

ПОСЛЕСЛОВИЕ

М. Г. Ганопольский

ГДЕ МЫ БЫЛИ РАНЬШЕ

Заметки о современности и своевременности

Где Вы были раньше? Наверное, каждому приходилось слышать этот вопрос, который и вопросом-то не является, а так... то ли упреком, то ли вежливой формой отказа, иногда выражением досады и уж очень редко — искренним сожалением, что мы явились или сделали что-то не ко времени и не к месту.

Однажды я узнал, что готовится сборник, посвященный культуре успеха, точнее ее российской модели. К тому времени публикаций на тему успеха появилось множество, даже издавались журналы «Философия успеха», «Этика успеха» и т. п. Были и у меня кое-какие соображения на эту тему, правда, скептические, но все же... И решил я приступить к делу. Полноценной статьи не получилось, а сами собой родились полемические заметки. Но в редакции сборника их даже не стали читать, а произнесли сакраментальную фразу. Да-да, ту самую: «где Вы были раньше?». То ли я действительно опоздал, то ли на меня и не рассчитывали... И вот спустя пять лет я наткнулся на эти заметки и решил их опубликовать. Тем самым пытаюсь ответить, где был раньше.

ШТУРМУЯ УСПЕХ

Атака первая: Недержание словаря

Справедливо замечено, что регулярное обращение к словарям развивает не только умственно, но и физически. Отсутствие физической закалки демонстрируют многие, кто обращается к словарям по поводу слова «успех».

Сравнительно недавно один философ занялся, как он сам выразился, исследованием с помощью Толкового словаря живого великорусского языка Владимира Даля и не нашел там слова «успех»! «Успение» нашел, «успитки» нашел, а до успеха не дошел. То ли не знал, что через «ять» слово пишется, то ли забыл, а скорее всего — просто не успел перевернуть страницу, как уже надо было выпускать из рук словарь. Тяжелым он оказался.

Да ладно. Чего не бывает. Когда культуризм был моден, точно так же подходили к штанге или гире, пробовали поднять и тут же ставили на место. А сейчас в моде словари.

Все бы ничего, да только вывод из этого делается серьезный: «Не имелось, стало быть, в живом великорусском языке “успеха”, еще сто лет назад не имелось». А из этого вывода, но уже с помощью двух других словарей следующий, не менее значительный. А потом еще словари, и еще выводы...

Впрочем, дальше в статье этого философа идет очень интересное повествование о бытии, власти, сакральности с привлечением сведений из древнегреческой, древнегерманской, древнеиранской мифологий, индийской и китайской философий, приводится анекдот, где речь идет об армянах... Поэтому непонятно, зачем нужен был словарь живого великорусского языка (да и другие словари тоже).

Другой философ, решив проанализировать выражение «успешный профессионализм», взялся за уточнение исходных понятий. Начал с понятия «профессия». Привел цитату (правда, не указал из какого словаря; похоже, из словаря иностранных слов, но несколько переиначенную), где сказано, что профессия — это трудовая деятельность, занятие, постоянная специальность, требующие теоретических знаний и практических навыков и являющиеся источником существования. Затем перешел к истолкованию производных слов «профессионал» и «профессионализм» (при этом куда-то потерялся тезис об источнике существования), и вдруг неожиданно сделал вывод, что не может согласиться с сочетанием понятий «успешный профессионализм», ибо если неуспешный, то и не профессионализм.

Как видно, до уточнения понятия «успех» дело не дошло. Да и нет его в словаре, если это действительно словарь иностранных слов. (Это, кстати, выяснил еще первый философ, когда не найдя «успех» у Даля, хотел нас убедить, что слово все-таки русское.) Можно было, конечно, посмотреть другой словарь, но то ли не было его под рукой, то ли не тянул «успех» на понятие, поскольку и в самом деле это привычное с детства слово.

Поэтому дальше уже без всяких словарей речь идет о «деловом успехе» как о выражении, имеющем право на существование, и об «успешном профессионализме», который вызывает ассоциацию с... соленым сахаром и сладкой солью. То ли автор что-то перепутал, то ли я не смог его понять. Но тут уж точно — без словаря или чего другого не разберешься.

Передышка

Может показаться, что я ругаю этих авторов или вступаю с ними в полемику. Это не так. Я отнесся к их текстам, как они к словарным статьям. Дословно процитировал и использовал для подтверждения

собственных мыслей. Более того, этим философам я очень благодарен за то, что они без опаски взялись за словарь. Сразу стало видно, что словарь и успех плохо уживаются. Одно дело — удержать толстый том в руках. Это, конечно, успех (особенно, если потом об этом написать). Совсем другое — когда берешь в руки один словарь, затем приходится брать второй, третий... Столько узнаешь интересного, что порой забываешь слово, ради которого полез в эти дебри. А если не терять прицельной сосредоточенности, то так глубоко можно уйти в раскопки, что рискуешь не успеть поведать об очередном открытии. Особенно, когда это обычное слово.

Как тут не вспомнить строки Давида Самойлова:

Люблю обычные слова,
Как неизведанные страны.
Они понятны лишь сперва,
Потом значенья их туманны.
Их протирают, как стекло,
И в этом наше ремесло.

Так, может быть, ответ нужно искать не в словарях, как это пытались делать некоторые успешные профессионалы-философы, а у поэтов-любителей слова?..

Атака вторая: Невзятие поэзии

Что же говорят русские поэты об успехе? Поэзия — не словарь, провести оперативное расследование непросто. И если бы не многократно цитируемая строчка Пастернака «...Цель творчества — самоотдача, а не шумиха, не успех...», можно было бы радостно заявить: нет в русской поэзии слова «успех»! Существует и менее рискованный вариант восклицания: в русской поэзии успех, как правило, осуждается.

Вам это ничего не напоминает?

Нет, я не о философам с их словарями, и даже не об успехе. Я о том, что русскую поэзию, да и всю русскую литературу, использовали и для более грандиозных выводов и восклицаний. И при этом всегда находили в ней то, что хотели продемонстрировать.

Поэтому, не прибегая к соответствующим текстологическим расследованиям, а просто полагаясь на свою память и привязанность, не очень категорично, не слишком авторитетно и без претензии на какую бы то ни было диалектику, все же скажу: в русской литературе успех и осуждается, и воспевается, причем зачастую у одного и того же автора, а иногда и в одном и том же произведении. Но чаще всего успех существует в тексте просто как слово, без всякой «аксиологической нагрузки» (этот термин я позаимствовал у второго философа), но каждый раз с иной творческой нагрузкой.

И понял я, что в мире нет
Затертых слов или явлений.
Их существо до самых недр
Взрывает потрясенный гений.
(Давид Самойлов)

Конечно, если посмотреть на литературный процесс с чисто бытовой стороны, то писатели — тоже люди, и успех им не чужд. Ибо, как заметил Маршак о своих собратьях по перу:

Писательский вес по машинам
Они измеряли в беседе:
Гений — на «ЗИЛе» длинном,
Просто талант — на «Победе».
А кто не сумел достичь
В искусстве особых успехов,
Покупает машину «Москвич».

Или ходит пешком. Как Чехов.

Можно сказать, что здесь успех осуждается. А можно сказать, что приветствуется, ибо Маршак не очень-то ценил Чехова. Сам об этом неоднократно говорил. А можно задаться вопросом, на какой машине ездил бы Чехов, будь он секретарем Союза советских писателей...

Великая вещь русская литература вообще, и русская поэзия в частности!

Отступление: Хронотоп успеха

И все-таки общение с философами и с поэзией не проходит бесследно. Тянет к словарю. Признаться, еще до прочтения упомянутых философско-филологических исследований я тоже туда заглядывал по поводу успеха. Но ничего особенного не увидел. Ну разве что убедился в родстве слов: успех, спешка, спелый. Вспомнил, как когда-то читал, что на Руси хлебные продукты называли словом «приспех», поскольку подавать их к столу надо было вовремя, отсюда и слово «приспешник». Сопоставив все это, решил, что успех не в том, чтобы обогнать других, а в том, чтобы быть ко времени и к месту. И успокоился.

Знал, что успех по-английски — success, но это было в одном отсеке памяти. И совсем в другом — succession (последовательность). Чтобы соединение произошло, чтобы родство стало очевидным, чтобы оно обогатилось новыми смыслами, надо было заново перечитать словарь, обнаружить там слово succeed, имеющее несколько значений: 1) следовать, быть преемником... и 4) достигать цели, преуспевать, иметь успех.

Не загляни первый философ после своего удивительного закрытия успеха в англо-русский словарь Мюллера, не последуй я за ним, не узнал бы этого. Не задумался бы об **успехе как своевременности и уместности; об успехе как месте в последовательности;** о хронотопе успеха, о классическом и постклассическом единстве Места и Времени, об идиомах успеха, порожденных не только фразеологическим своеобразием языка, но и несовпадением исторического опыта народа, и о многом другом, о чем еще напишут философы, а я прочту.

Но кроме этого, стыдно признаться,— о тех самых стихах Пастернака.

В плену у поэзии

Задумался я о том, что хотя успех в этом стихотворении вроде бы осуждается, но только как публичное признание, шумиха вокруг творчества, его внешний антураж. В стихах, которые мне вначале не очень-то и нравились, сквозь нагромождение проходных строчек вдруг обнаружился мятущийся поиск хронотопа успеха, попытка соединить в себе, в своем творчестве Место и Время, Здесь и Теперь.

Поэт чувствует себя посланцем Вселенной, «заложником Вечности у времени в плену» (это подсказка из другого стихотворения того же периода). Он способен творить, лишь будучи совершенно свободным, в состоянии пустоты пространства и временной неопределенности, «оставляя пробелы в судьбе». Он первым «окунается в неизвестность», прокладывая «живой след». В отличие от тех, кому принято желать успехов в труде и счастья в личной жизни, он измеряет жизнь и творчество другими критериями: «Но поражение от победы ты сам не должен отличать». (Здесь чувствуется переключка с Пушкинским «Памятником»: «Хвалу и клевету приемли равнодушно».) Это ли не признание в приверженности успеху как результату особой духовной работы?

Побег

Выбравшись, без особого, впрочем, труда, из плена поэзии, я решил, что пора извлечь уроки из чужих и собственных ошибок и воздержаться от наступлений на успех. Даже если «новое поколение выбирает успех», то способен ли я, «задрвав штаны, бежать за...» этим поколением (тем более что, похоже, еще не совсем выбрался из плена поэзии). Надо сказать, что и разговоры о русской модели успеха мне порядком надоели. Не потому, что этой модели нет. Может, и есть. Но то ли ищут ее днем со словарем, то ли вообще не ищут, ибо то, что находят, называется совсем другим словом. Поэтому на всякий случай я готовлю план отступления на заранее подготовленные позиции. В целях конспирации назвал его «Алгоритмы успеха».

Послесловие-приложение

Текст заметок я почти не изменил. Только убрал ссылки на авторов и их произведения. Не потому, что они стали еще более знаменитыми. Просто за это время они раза три поменяли свои взгляды, в том числе и на успех. И получится, что этими заметками я словно спрашиваю их: «Где Вы были раньше?», а они возвращают вопрос мне самому.

В качестве приложения к тексту решил добавить цитируемое стихотворение Бориса Пастернака, а также

созвучные ему стихи Александра Твардовского.

* * *

Быть знаменитым некрасиво.
Не это подымает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.

Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.

И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчеркивая на полях.

И окунаться в неизвестность,
И прятать в ней свои шаги,
Как прячется в тумане местность,
Когда в ней не видать ни зги.

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.

И должен ни единой долькой
Не отступить от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.

* * *

Стой, говорю: всему помеха —
То, что, к перу садясь за стол,
Ты страсти мелочной успеха
На этот раз не поборол.
Ты не свободен был. И даже
Стремился славу подкрепить,
Чтоб не стоять у ней на страже,

Как за жену, спокойным быть.
Прочь этот прах, расчет порочный,
Не надо платы никакой —

Ни той, посмертной, ни построчной,—
А только б сладить со строкой.
А только б некий луч словесный
Узреть, не зримый никому,
Извлечь его из тьмы безвестной
И удивиться самому.
И вздрогнуть, веря и не веря
Внезапной радости своей,
Боясь находки, как потери,
Что с каждым разом все больней.